

Стовба А.В. Неклассическая правовая мысль на постсоветском пространстве. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_73 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 73–89.

УДК 340.12

DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_73

Неклассическая правовая мысль на постсоветском пространстве

Алексей Вячеславович Стовба

Харьковский институт кадров управления,
г. Харьков, Украина
E-mail: stovba34@mail.ru

*Поступила в редакцию 06.02.2021, поступила после рецензирования 18.04.2021,
принята к публикации 22.04.2021*

В статье рассматриваются основные тенденции современного правовопонимания на постсоветском пространстве. В настоящее время можно наблюдать разделение правоведов на тех, кто принадлежит к так называемому классическому правовопониманию, и представителей неклассической («постклассической») правовой мысли; между сторонниками этих направлений идут жаркие дискуссии о соотношении «классики» и «неклассики» в праве. Вместе с тем неклассическая философия права на постсоветском пространстве не просто заимствует идеи и принципы, разработанные западными правоведами, но имеет свою специфику, которая может быть наиболее точно выражена посредством термина «динамическое правовопонимание». Данный термин – собирательное наименование для ряда концепций, разработанных на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI в. Это феноменолого-коммуникативный (А.В. Поляков), диалогический (И.Л. Честнов), темпорально-онтологический (А.В. Стовба) подходы, а также концепция правовой реальности (С.И. Максимов) и некоторые другие. Воззрения всех упомянутых ученых являются самостоятельными и

© Стовба А.В., 2021

оригинальными, но тем не менее они обладают некоторыми общими чертами, которые и позволяют объединить их под названием «динамическое правопонимание». Здесь следует указать прежде всего негативное отношение к реификации права, к попыткам мыслить право исключительно в системе логико-понятийных координат (прежде всего, субъект-объектных отношений), а также к представлениям о праве как о статичном, континуальном *Должном*, с безопасной трансцендентальной дистанции регулирующем сущую действительность. Взамен предлагается понимание права как динамического (дискретного и воспроизводящегося) по своей сути феномена, исходно носящего социальный характер. Автор утверждает, что, несмотря на новизну и оригинальность данных построений, динамическое правопонимание органично вписывается как в отечественный, так и в мировой философско-правовой дискурс. В результате делается вывод о том, что идеи динамического правопонимания могут послужить адекватным концептуальным подходом для целостного осмысления сущности права.

Ключевые слова: классическое правопонимание, неклассическое правопонимание, динамическое правопонимание, правовое бытие, воспроизводство права

Non-Classic Legal Thought in the Post-Soviet Space

Alexey V. Stovba,

Kharkov Institute of Management Stuff, Kharkov, Ukraine

E-mail: stovba34@mail.ru

Received 06.02.2021, revised 18.04.2021, accepted 22.04.2021

Abstract. The following article is about the main trends of understanding of law in the former Soviet Union. These trends are the so-called “classical” and “non-classical” (“post-classical”) understanding of law; both find itself in the mutual debates between one another. At the same time, non-classical legal philosophy in the former Soviet Union doesn’t take the ideas from the Western thought uncritically, but tries to elaborate its own view on the legal field. The specificity of that view may be characterized by the concept of “dynamic understanding of law”. The similar concept is the common title for the wide range of the doctrines, which were elaborated in Russia, Ukraine and Belorussia on the edge of the centuries. These are, for example, phenomenological-communicative approach of A.V. Polyakov, doctrine of the legal dialogue of I.L. Chestnov, temporal-ontological philosophy of law (A.V. Stovba), the conception of legal reality (S.I. Maksymov) and so on. It’s worth to stress that all the abovementioned legal doctrines are independent from one another and original. But at the same time, they have common features, which allow us to significate it under the common title “dynamic understanding of law”. The similar features are the following: negative position towards the reification of law; towards the attempts to consider law in the frame of subject-object relations; towards the representation of law as the static, continual “Ought”, which regulates its object – “Is” – from the “secure” transcendental distance. Instead, the abovementioned legal philosophers propose to consider law as dynamic (discrete and reproduced) in its core, which originally has social roots and character. At the same time, despite the originality of the similar views to the law, we can find its historical parallels in the national legal discourse, as well in the foreign

legal philosophy. The conclusion is made that the dynamic understanding of law is the adequate conceptual approach to the general reasoning of the legal essence.

Keywords: classic understanding of law; non-classic understanding of law; dynamic understanding of law; legal Being; reproduction of Law

For citation: Stovba A.V. Non-Classic Legal Thought in the Post-Soviet Space, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 73-89. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_73.

Введение. Философско-правовой дискурс начала XXI в. на постсоветском пространстве ознаменовался созданием ряда оригинальных концепций. В их числе следует упомянуть феноменолого-коммуникативную теорию права российского ученого А.В. Полякова, концепцию правовой реальности украинского правоведа С.И. Максимова, диалогический подход к праву российского исследователя И.Л. Честнова, темпоральную онтологию права украинского философа права А.В. Стовбы и некоторые другие. Следствием разработки данных подходов стала оживленная дискуссия, которая велась по двум основным позициям: во-первых, имеют ли перечисленные выше концепции свою специфику, действительно внося оригинальный вклад в осмысление права, либо же подобные «юридические химеры» (Хохлов 2004) являются не чем иным, как «терминологическим переодеванием» давно известных истин (Козлихин 2006), следствием тяги «к запретному плоду философского идеализма» (Мартышин 2016)? Во-вторых, если же все-таки подобные упреки безосновательны, каковы те характерные черты и особенности указанных выше трактовок права, которые кардинально отличают их от предшествующих направлений?

1. Ход дискуссии. Следует отметить, что приведенная критика вызывает резкую обратную реакцию представителей неклассического правоведения (Поляков 2011, Стовба 2017а). Помимо выявления принципиальных точек расхождения классического и неклассического вариантов правопонимания (более полно об этом будет сказано далее) позитивным итогом данных споров стал пересмотр существовавшей до сих пор классификации и периодизации школ и направлений философии права. Так, например, С.И. Максимов в зависимости от того, что предполагается в качестве основы подлинной реальности права, то есть такого пространства, в котором локализируются правовые смыслы, выделил четыре основных способа осмысления правовой реальности: правовой позитивизм, правовой объективизм (исторические и социологические концепции права), правовой субъективизм или, иначе, классические концепции естественного права, правовую интерсубъективность – неклассические концепции естественного права (Максимов 2002b: 34). При этом критериями разделения классических и неклассических подходов выступают их философско-мировоззренческие установки. По словам С.И. Максимова, различие классической и неклассической моделей осмысления права, прежде всего, выражается как различие метафизического и постметафизического типов мышления. Метафизическое мышление проявляется в умозрительном постижении сверхчувственных феноменов права – и естественного (идея права) либо позитивного

(Основная норма), и социологического (абстракция общественных отношений как социальная основа юридических норм) (Максимов 2002b: 114). В то же время для постметафизического (неклассического) мышления права характерны концептуальный переход от моносубъекта к полисубъекту, исключение чисто трансцендентального плана бытия права и поворот к языку как первореальности права, отказ от абстракции «естественного права» в пользу понятия *справедливости* (Максимов 2002b: 115).

Данная классификация получила свое развитие в работах автора настоящей статьи, который выдвинул идею о разделении способов осмысления правовой реальности в целом на классические и неклассические (Стовба 2006: 25). К классическим предлагалось отнести правовой позитивизм, исторические, биологические и социологические подходы, а также метафизические концепции естественного права (рационалистические, антропологические, телеологические). К неклассическим вариантам осмысления права причислялись феноменолого-экзистенциальный, коммуникативно-дискурсивный, герменевтический и ряд других подходов (Стовба 2006: 26). В дальнейшем данная классификация была уточнена и трансформирована: автор предложил выделить в философии права дометафизический, метафизический и постметафизический этапы (Стовба 2017b). В целом можно констатировать, что в настоящее время разделение школ правопонимания на классические и неклассические (или постклассические) стало практически общепринятым в постсоветском правоведении (Стовба 2013). Некоторые исследователи, например российский правовед Е.В. Тимошина, отмечают также наличие «неоклассических» тенденций в теории и философии права (Тимошина 2015: 76).

Как уже указывалось, критерием разделения концепций на «классику» и «неклассику» выступают исходные философско-методологические предпосылки исследователя. По словам Е.В. Тимошиной, «особенностью классического правопонимания является объективистская интерпретация бытия права как независимого от сознания субъекта: право предстает в виде объективного идеального бытия, которое может быть открыто ученому, обладающему привилегией объективного видения (*юснатурализм*); доступного объективному наблюдению эмпирического факта, обнаруживаемого субъектом, данным в мире пространства и времени, подобно “вещи” (*юспозитивизм*). Объективирующая интерпретация бытия права фундирована категорией абстрактного субъекта – абсолютного наблюдателя, конституируемого в результате противопоставления объекту (праву) и владеющего универсальным методом, использование которого рассматривается как не оказывающее влияния на объект. Априорно постигнутое разумом или индуктивно образованное понятие права рассматривается как имеющее референта соответственно в идеальном мире идей или в эмпирической реальности» (Тимошина 2015: 73).

С такой характеристикой классических концепций права, пожалуй, в целом следует согласиться. Вместе с тем представляется, что она требует некоторого уточнения. Так, Е.В. Тимошина утверждает, что для позитивистов право является «доступным наблюдению эмпирическим фактом», «бытие

которого не зависит от сознания субъекта». Подобная формулировка не вызывает возражений, если речь идет об «ортодоксальном» правовом позитивизме Дж. Остина либо К. Бергбома, которые понимали право как приказ суверена, реифицированный в виде письменного источника и в этом смысле (после акта своего принятия) действительно представляющий собой объективный эмпирический факт. Однако, если мы ведем речь о позитивизме Г. Кельзена либо Г. Харта, данная трактовка нуждается в дополнении. Причина этому заключается в пресловутой философско-методологической парадоксальности их взглядов. Г. Кельзен, как известно, в философском отношении пребывал на позициях неокантианства, строго разделяя сферы сущего и *Должного*, когда право как идеальная *Основная норма* была локализована в сфере *Должного*, но как конкретное позитивно-правовое установление принадлежало области сущего. Последний факт и дал основания причислять Г. Кельзена к философско-правовому направлению позитивизма, хотя данное течение в философском отношении позиционировалось как антипод неокантианства. В силу подобной двойственности, право, в лучших традициях Канта, оказывалось у австрийского правоведа «гражданином двух миров» в той мере, в какой *Основная норма* помещалась в сферу трансцендентального *Должного*, а эмпирическая действительность позитивной нормы укоренялась в сущей действительности. По словам самого Г. Кельзена, «акты, посредством которых создаются нормы позитивной нормативной системы, – это всегда факты, проявляющиеся во внешнем мире, воспринимаемые органами чувств» (Кельзен 2020: 193). Впрочем, тут же делается оговорка: «утверждение о том, что норма создается фактом, есть лишь фигура речи. Норма есть специфическое значение факта, и это значение, не воспринимаемое нашими органами чувств, является результатом интерпретации. Истолковать значение факта как нормы можно только при условии, что мы основываемся на другой норме, придающей этому факту качество правообразующего; но эта другая норма в конечном счете не может быть позитивной нормой» (Кельзен 2020: 193). Подобную ситуацию мы наблюдаем и у Г. Харта, когда эмпирический по своей сути акт признания людьми установлений позитивного права «постфактум» придает норме метафизический правовой статус. Поэтому тезис Е.В. Тимошиной об объективном характере бытия права в позитивизме следует уточнить, указав, что в данном варианте правопонимания право может представлять и как *объективное идеальное* образование, адресатом которого является *сознание* субъекта. «В свою очередь, для неклассических (постклассических) правовых учений, таких как правовая феноменология, правовой экзистенциализм, герменевтика, коммуникативно-дискурсивная философия права, правовой постмодернизм и некоторых других, характерны такие черты, как человекоразмерность, конституированность, текстуальность, процессуальность, отказ от субъект-объектной парадигмы и пр.» (Тимошина 2015: 74).

Завершая краткое описание дискуссии, необходимо подчеркнуть, что вопросы о соотношении классического и неклассического вариантов правопонимания в настоящее время не получили окончательного ответа. Кроме того, помимо уже указанных выше методологически-мировоззренческих

аспектов данной проблемы чрезвычайно важным представляется и вопрос об актуальности классических концепций права. Другими словами, является ли «классика» «безнадежно устаревшим» взглядом на право либо же классическое и неклассическое правоведение взаимно дополнительные и концептуально совместимы на некоем «метауровне» правового мышления? Е.В. Тимошина полагает, что данные подходы к пониманию права являются необходимыми этапами на пути его осмысления и подлежат своеобразному «синтезу» посредством «неоклассики» (Тимошина 2015: 76). В свою очередь, ряд «ортодоксальных» ученых считает «неклассику» своеобразной «правовой модой», которая не содержит в себе ничего нового и, подобно любой моде, должна вскоре «пройти» (Козлихин 2006; Мартышин 2016). А известный российский правовед А.В. Поляков придерживается противоположной позиции, утверждая, что классические представления о праве представляют собой «пройденный этап», с которым следует «попрощаться» и перейти к неклассическому, коммуникативному правопониманию (Поляков 2008). В целом можно констатировать, что данная фундаментальная проблема требует самостоятельного исследования и ответы на вопросы о том, «устарела ли классика» и следует ли считать совместимыми либо взаимоисключающими «новые» и «старые» варианты подходов к праву, еще предстоит отыскать.

2. Оригинальность динамического правопонимания. Возвращаясь к первому из поставленных выше вопросов, а именно обосновывая научную новизну неклассических концепций в постсоветской философии права, стоит подчеркнуть, что, хотя данные подходы в принципе возможно вписать в неклассическое (постметафизическое) направление мировой правовой мысли, их принципиально нельзя полностью отождествить ни с одним из известных до сих пор вариантов правопонимания (правовой феноменологией, герменевтикой, коммуникативно-дискурсивной философией права и пр.). Соответственно далее необходимо в общих чертах рассмотреть специфику указанных учений с тем, чтобы иметь возможность вынести суждение в отношении их оригинальности¹.

Так, А.В. Поляков понимает под правом динамичный, изменчивый и подвижный феномен, который он концептуализирует как правовую коммуникацию. По его словам, право представляет собой не абстрактную метафизическую идею, не априорную ценность, не символически-текстуальное (знаковое) предписание, за которым стоит чья-то «воля», а «живое» (целостное, развивающееся) социальное явление (Поляков 2008: 12). Как можно видеть, в отличие от традиционного, «статичного» правопонимания суть данного подхода заключается в акценте на динамике права, который лишь и позволяет адекватно осмыслить его природу. Российский правовед подчеркивает: в случае как естественного, так и позитивного права «оно

¹ К сожалению, объем данной статьи не позволяет в полной мере раскрыть все нюансы рассматриваемых концепций. Детальный разбор их осуществлен автором настоящей статьи в иной работе, к которой может обратиться читатель (Стовба 2017b).

предстает как феномен, не имеющий внутреннего, антропологического источника саморазвития, движения, и выступает “мертвым”, абстрактным, “внешним” для субъекта правом, некоей априорной данностью, или знаковым комплексом, оторванным от человека или его жизненного мира» (Поляков 2008: 11).

Таким образом, целостное понимание права позволяет А.В. Полякову отойти от воззрений правового позитивизма, который в своем осмыслении права ограничивается исключительно сферой юридического. Помимо этого он не стоит и на позициях классического естественного права, согласно которому источником права являются природа, разум либо ценности. Напротив, он подчеркивает, что ни правовые тексты, ни правовые ценности, ни субъективное правосознание, ни индивидуальные правопритязания не образуют право в качестве разрозненных элементов. Их объединяет *правовая коммуникация*, возникающая как интересубъективная реальность, связующим звеном которой выступают взаимодействующие субъекты (Поляков 2008: 18). «Отдельные компоненты права, например правовые тексты, сами субъекты, обладающие правосознанием и волей, их реальная деятельность в социальном времени и пространстве сами по себе не представляют права как интегрального (целостного) явления. Только в результате определенной “химической реакции” – возникновения правовой коммуникации – возникает право. Право и есть правовая коммуникация» (Поляков 2008: 21).

Согласно иному подходу, который разрабатывает С.И. Максимов, право исходным образом существует как правовая реальность, которая не являет собой какую-то субстанциальную часть реальности, а оказывается лишь способом организации и интерпретации определенных аспектов социальной жизни, бытия человека (Стовба 2013: 32). Как можно видеть, при трактовке права украинский ученый акцентирует экзистенциальную, личностную составляющую данного феномена. По его словам, проблема осмысления права снимается через понимание его укорененности в человеческом бытии, присутствия в человеческой жизни. Вопрос о том, что есть право, решается через уяснение вопроса о том, каковы мы сами. В каком-то смысле можно сказать, что не мы толкуем право, а право толкует нас (Стовба 2013: 52). Тем самым право исходно не обнаруживает себя как «мертвая» система правил и норм, но предстает как сфера драм и конфликтов, трудных экзистенциальных выборов и решений, когда буквально на каждом шагу обнажаются глубинные основы человеческого бытия (Максимов 2002а: 23). Следовательно, подобно А.В. Полякову, украинский правовед интерпретирует право не статично, посредством классического теоретического аппарата, но динамично. Как подчеркивает С.И. Максимов, в рамках концепции правовой реальности познание права в строго эпистемологическом смысле теоретического опыта является невозможным. Речь, скорее, может идти о герменевтическом понимании как воспроизводстве права в ходе его осуществления (Стовба 2013: 52).

На динамической, подвижной, изменчивой природе права настаивает и российский исследователь, автор диалогической концепции права И.Л. Честнов. В соответствии с его воззрениями право представляет собой

единство и различие, то есть диалог уникального (конкретного, фактического взаимодействия – правоотношения, в котором существует субъективное право) и типичного, повторяющегося (объективной нормы права) (Честнов 2008: 81). Как логическое следствие подобной позиции выдвигается тезис о том, что в такого рода диалоге бытие права из статичного бытия конкретного сущего (идеи, закона, судебного решения и пр.) превращается в виртуальное, ускользающее бытие симулякров (Честнов 2010: 30). Для подхода И.Л. Честнова свойственно негативное отношение к «овеществлению» права, коррелятом чего является стремление «распредметить» правовую действительность посредством показа социокультурной обусловленности понятий классической теории права (Стовба 2013: 172), а также акцент на подвижной, изменчивой природе бытия права, которое сбывается в ходе его воспроизводства в практике общественных отношений (Стовба 2013: 161).

Другой российский правовед, В.А. Четвернин, в разработанной им либертарно-институциональной концепции трактует право как комплекс институтов, подчиняющий социальные взаимодействия правовому принципу – запрету агрессивного насилия (Стовба 2013: 202-203). При этом под социальным институтом В.А. Четвернин понимает выражающий определенный принцип и выполняющий некую функцию устойчивый порядок социальных коммуникаций (система норм, формальных и неформальных правил) (Стовба 2013: 202-203). Иными словами, ключевым для концепции В.А. Четвернина является положение о структуре права как социального института, где им выделяются смысловой и содержательный компоненты. Так, смысловая плоскость права (запрет агрессивного насилия и свобода обмена) обнаруживается в функции права как социального института, а именно удовлетворении человеческих потребностей. Как указывает исследователь, право позволяет максимально удовлетворять потребности тем, кто оказывается наиболее конкурентным при запрете агрессивного насилия, и препятствует удовлетворению потребностей наименее конкурентных субъектов (Стовба 2013: 207). Второй, содержательный, аспект права как института заключается, прежде всего, в той совокупности норм (в указанном выше значении этого термина), посредством которой право воспроизводится в общественных отношениях. При этом В.А. Четвернин выделяет в структуре права как социального института такие элементы, как принцип права, договоры, «позитивные нормы» (своеобразное «право мира», то есть нормы, регулирующие «нормальное» течение общественных взаимодействий) и юридический механизм принуждения (своего рода «право войны»: нормы и правила на случай нарушений, споров, конфликтов и т.п.) (Стовба 2013: 208).

Наконец, в рамках темпоральной онтологии права, разработанной автором настоящей статьи, право исходно предстает как правовое бытие – притяжение, существующее между совершенным деянием и его правовыми последствиями. Данное притяжение сбывается посредством правового сущего – людей, доказательств и правовых текстов. Бытие этого сущего образует бытие права. Как правовое бытие, так и бытие права локализованы в правовом времени – темпоральном разрыве, отделяющем совершенное деяние от его правовых последствий. Правовое время, правовое бытие и

бытие права в своей совокупности образуют правовое происшествие. Вместе с тем, поскольку правовое происшествие равно содержит в себе как возможность происшествия права (того, что совершенное деяние посредством правового сущего притянет к себе правовые последствия), так и возможность неправа, право оказывается дискретным и вероятностным по своей природе феноменом (см. об этом: Стовба 2017b).

В целом осмысление приведенных выше концепций позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на различия и индивидуальные нюансы, воззрения упомянутых правоведов возможно объединить под общим обозначением «динамическое правопонимание» в той мере, в какой для них характерно осмысление права как динамичного, изменчивого, процессуального по своей сути феномена¹. Следует отметить, что в приведенном контексте «динамичность» не означает банального акцента на содержательной изменчивости норм права в результате исторических, социальных либо культурных причин. По замечанию российского философа А.Г. Чернякова, «как универсальный онтологический термин греческое *δύναμις* отсылает к одному из смыслов бытия в аристотелевском реестре смыслов – к *δυνάμει ον*, то есть к тому, что может быть либо не быть некоторым определенным, оформленным сущим» (Черняков 2001: 60). Поэтому необходимо подчеркнуть, что динамичность права означает не просто его «подвижность», «текучесть» или «изменчивость». В первоначальном значении греческого *δύναμις* коренится нечто большее: динамичность в этом случае следует трактовать как попытку понять, почему то или иное сущее является правовым, тогда как оно могло бы быть и иным (противоправным, внеправовым и т.д.) – или не существовать вообще.

Таким образом, ключевой характеристикой приведенных выше концепций является убежденность их авторов в том, что существование права – вовсе не априорная аксиома. Ведь вполне может случиться так, что права может и не быть – не существовать, не случиться. То, что право было вчера, вовсе не означает, что оно существует сегодня. А то, что оно есть сегодня, отнюдь не гарантия того, что оно будет существовать завтра. Тем самым можно сделать вывод о том, что право, согласно представлениям упомянутых правоведов, существует не *континуально*, как идея, закон, основная норма, но *дискретно, воспроизводясь* в ходе отношений между людьми. Как утверждает И.Л. Честнов, «именно *экспликация механизма воспроизводства права* – главный показатель научной новизны неклассики» (Честнов 2016: 13).

3. Основные черты динамического правопонимания. Необходимо указать, что специфика функционирования подобного механизма по-разному концептуализируется учеными. Как мы уже видели, оригинальное, авторское видение подобного процесса может быть кристаллизовано как

¹ Впервые термин «динамическое правопонимание» был введен автором настоящей статьи в предисловии редактора к коллективной монографии «Неклассическая философия права: вопросы и ответы» и раскрыт в ряде последующих публикаций (Стовба 2013; Стовба 2017b: 6, 93, 209 и далее).

а) «динамическая структура правовой реальности» (С.И. Максимов), б) правовая коммуникация (А.В. Поляков), в) правовое происшествие (А.В. Стомба), г) правовой диалог (И.Л. Честнов), д) правовой институт (В.А. Четвернин) и др. Вместе с тем в качестве общего знаменателя перечисленных подходов можно привести утверждение о том, что бытие права не абсолютно, но относительно, поскольку нуждается в своем воспроизводстве посредством социальной практики. Из этого следуют все те общие особенности данного типа правопонимания, которые можно вычлениить из принадлежащих к нему подходов.

Во-первых, это отказ от представлений о праве как феномене, который априорно наделен абсолютным бытием, то есть не может не существовать, а может быть лишь нарушен. В отличие от этого динамическое правопонимание тяготеет к осмыслению права как динамического феномена (диалога, коммуникации, бытия и т.д.), который не существует в пространстве и времени непрерывно (континуально), но воспроизводится в ходе человеческой деятельности, иначе говоря, бытийствует дискретно. При этом следует оговориться, что под существованием права в динамическом правопонимании подразумевается не наличное бытие как таковое некоей правовой субстанции, но смысловая идентификация соответствующего сущего, явления либо процесса. Закономерным следствием такого похода становится убеждение, что право не может быть априорно отождествлено с каким-либо сущим, а тем самым – и отказ от реификации (овеществления) права. Поэтому общим для динамического правопонимания можно считать метафорическое утверждение о том, что «права как такового не существует» (А.В. Поляков) в том смысле, что это слово «не имеет постоянного эмпирического референта» (С.И. Максимов).

Во-вторых, в результате отказа от трактовки права исключительно как Должного, наделенного абсолютным (континуальным) бытием (идеи, нормы и т.п.), и перехода к пониманию права как дискретного – такого, что воспроизводится, – динамического, подвижного образования (происшествие, коммуникация, дискурс) динамическое правопонимание преодолевает дихотомию сущего и Должного в праве. Поэтому, в отличие от взглядов Ю. Хабермаса или Р. Алекси, которые также отождествляют бытие права и динамический дискурс, однако полагают, что такой дискурс существует постоянно (то есть континуально, пусть даже в идеальном измерении, который служит Должным – критическим масштабам для «реальных» правовых явлений), сторонники концепта динамического правопонимания считают, что право как онтологически-смысловой механизм своего воспроизводства (диалог, коммуникация, происшествие) выступает составляющей отношений между людьми, а не отделенным от них Должным. Тем самым классическая дихотомия сущего и Должного в праве оказывается преодолена в той мере, в какой право уже не является ни чисто Должным (вследствие его экзистенциальной либо социальной онтологизации), ни исключительно сущим (ибо право в качестве механизма своего воспроизводства существует не налично, то есть статически-континуально, но динамически-дискретно). При этом подобное мышление права не следует считать и релятивизмом

в постмодернистском смысле этого слова, поскольку существование права (как обретение правовой релевантности соответствующим сущим, процессом либо явлением) в данном случае получает свое объективное основание – правовой диалог (И.Л. Честнов), правовую коммуникацию (А.В. Поляков), правовое происшествие (А.В. Стовба), правовые институты (В.А. Четвернин). А согласно С.И. Максимова правовой реальности объективно присуща и динамическая структура бытия. Таким образом, в динамическом правопонимании в противовес классической трактовке права как статичного Должного (идеи права, Основной нормы) во главу угла ставятся неклассические динамические образования (правовой диалог, правовая коммуникация и т.п.), которые укоренены в бытии людей друг с другом. Для динамического правопонимания в целом свойствен не *релятивизм*, а *реляционность*, то есть относительность, хотя и не абсолютная, к иным социальным явлениям и обществу в целом (И.Л. Честнов).

Отсюда следует *третья особенность* динамического правопонимания, а именно то, что характерным для него является рассмотрение права как социального явления, поиск онтологических истоков права во внешних по отношению к нему феноменах, прежде всего – в совместном существовании людей. Конечно, примеры подобных трактовок можно отыскать еще в правовой феноменологии – у А. Райнаха (учение о социальных актах) (Райнах 2001: 161), Н.Н. Алексеева (нормативные факты) (Алексеев 1999: 190), Г. Гуссерля (экстраординарные события) (Гуссерль 2010–2011: 83) и т.д. Однако в данном случае акцент делается на том, что с позиций динамического правопонимания право как воспроизводящееся явление оказывается укорененным в той самой реальности, которую оно призвано упорядочить. Отсюда, в отличие от классических поисков сущности права, которая стоит за эмпирическими правовыми явлениями, динамическое правопонимание стремится эксплицировать те условия, при которых соответствующее сущее (явление, процесс) обретает правовой смысл либо теряет его.

В-четвертых, поскольку право как происшествие своего воспроизводства не может возникать само по себе, а лишь осуществляется посредством людей, еще одним признаком динамического правопонимания становится акцент на «человекомерности» права, на том, что право не может существовать вне отношений между людьми. Творчески развивая идеи А. Кауфманна и Г. Гуссерля, представители динамического правопонимания утверждают, что способность людей осуществлять право в бытии друг с другом укоренена, прежде всего, в их взаимном признании себя как субъектов права. Тем самым право – это не нечто «внешнее» относительно человека, но феномен, заложенный в совместном существовании людей. Поэтому отличительной чертой динамического правопонимания является переход от моносубъективности классического правоведения к полисубъективности (триалогичности – И.Д. Невважай, диалогичности – И.Л. Честнов, бытию-с – А.В. Стовба), интересубъективности (С.И. Максимов, А.В. Поляков) и пр. Следствие упомянутого перехода заключается в том, что как позитивное, так и естественное право уже осмысляются не как «априорные», то есть «первичные», но как

«вторичные», производные правовые феномены, которые имеют свое экзистенциальное основание в актах признания.

В-пятых, отказ от реификации права и рассмотрение его как дискретного явления, которое онтологически укоренено в процессах диалога, коммуникации, событийности и пр., обусловили такую методологическую особенность динамического правопонимания, как стремление описать закономерности тех процессов, в ходе которых воспроизводится право, – правового происшествия (А.В. Стомба), правового диалога (И.Л. Честнов), правовой коммуникации (А.В. Поляков) и т.д. В отличие от классической понятийной юриспруденции, которая занимала прескриптивную позицию относительно исследуемых явлений, для динамического правопонимания характерны установка на нарративность, намерение сконструировать ту «динамическую смысловую метафору» (коммуникацию, событийность, диалог), которая бы в наибольшей мере была бы способна адекватно выразить событие воспроизводства права. Переходом от прескриптивности к нарративности обусловлены и широкое понимание правовой нормы как закономерности человеческого общежития, акцент на производном, вторичном характере классической, позитивной или естественно-правовой нормы права. Это положение динамического правопонимания имеет определенное сходство с «социологическим позитивизмом» украинского теоретика П.М. Рабиновича, который также акцентирует обусловленность права социальными факторами – прежде всего, потребностями (Рабинович 2014). Однако сторонники динамического правопонимания настаивают, что право не просто обусловлено социальными факторами, но, как дискретно-сингулярный механизм его бытия-воспроизводства, существует неотделимо от человеческого бытия, имея не просто социологическую, но экзистенциально-онтологическую подоснову.

4. Роль и место динамического правопонимания в философии права. Таким образом, динамическое правопонимание как самостоятельное и оригинальное направление правовой мысли может быть вписано в контекст мировой философско-правовой мысли XX–XXI столетий, поскольку оно вобрало в себя ряд идей и тенденций зарубежной и отечественной философии права. В частности, попытки осмыслить право как изменчивый, динамичный и процессуальный феномен еще в начале XX в. предпринимали немецкий правовед Р. Штаммлер (учение о естественном праве с изменчивым содержанием) и австрийский ученый О. Эрлих (учение о «живом праве»)¹. В середине XX в. немецкий экзистенциалист Э. Фехнер акцентировал то обстоятельство, что естественное право не просто обладает изменчивым содержанием, но постоянно пребывает в становлении (Фехнер

¹ Следует отметить, что, несмотря на акцент на динамичности права, указанные философы права концентрировались лишь на содержательной изменчивости правовых норм, продолжая, однако, мыслить право как континуальное явление. Поэтому новация представителей динамического правопонимания как раз и заключается в том, что они преодолевают подобную – метафизическую – традицию правового мышления, трактуя динамичность права как его дискретность, реляционность, «вопросительную выдержанность в возможности небытия» (М. Хайдеггер).

2011: 609). Идеи о первичной локализации права не в естественной либо позитивной норме, а в среде человеческого сосуществования помимо уже упомянутых А. Райнаха (учение о социальных актах), Н.Н. Алексеева («нормативные факты»), Г. Гуссерля («экстраординарные происшествия»), выдвигали датский правовед Г. Кон («конкретная ситуация») (Cohn 1967: 31), немецкий экзистенциалист В. Майхофер (экзистенциал бытия-как) (Майхофер 2008: 199) и др. Предпосылки для динамического правопонимания можно отыскать, например, в положениях правового экзистенциализма и герменевтики о том, что «право является не субстанцией, а отношением нормы к случаю, соответствующим критериям истины» (А. Кауфманн 2013: 211), либо же существует как «право бытия» (Р. Марчич). В свою очередь, попытки преодолеть дихотомию юридического позитивизма и естественно-правового подхода предпринимались в рамках правового экзистенциализма – В. Майхофером, А. Кауфманном, Р. Марчичем. Укоренить правосубъектность лиц в их взаимном признании стремились А. Кауфманн и Г. Гуссерль. Утверждения о том, что право существует как динамичный процесс его интерпретации, выдвигали классики правовой герменевтики – П. Рикер и Г.-Г. Гадамер.

В динамическом правопонимании получили свое развитие и некоторые тенденции советской правовой мысли. В частности, это дискуссия о «широком понимании права», которая велась в 70-е годы XX в. относительно отхода от узкого нормативизма и включения в объем феномена права правоотношений, правосознания (идеи права), субъектов права и т.д. В динамическом правопонимании указанная дискуссия нашла свое отражение прежде всего в утверждениях С.И. Максимова и А.В. Полякова о том, что существование права нельзя свести к какому-то одному уровню – идеи права, правовой нормы, но оно должно включать в себя все правовые феномены, алгоритм взаимодействия которых как раз и выражается посредством таких терминов, как «правовая реальность» либо «правовая коммуникация». Также и идеи украинского правоведа П.М. Рабиновича о социальной обусловленности права – прежде всего, потребностями людей – были переосмыслены и развиты в концепциях И.Л. Честнова (тезисы о социально-культурной обусловленности содержания правового диалога), а также А.В. Стовбы (о потребности восполнить экзистенциальную неполноту как толчок к бытию права).

Однако динамическое правопонимание принципиально не может быть сведено к ранее известным типам правопонимания, которые имеют лишь внешнее сходство с ним. Ведь динамичность права как его процессуальность, текучесть, изменчивость находит свое отражение, прежде всего, в плоскости кардинально новой правовой онтологии, разработанной представителями динамического правопонимания. Ее главное и принципиально новое положение состоит в том, что право не существует «само по себе», то есть континуально (как это мыслилось в классических концепциях правового позитивизма либо естественного права), но постоянно рискует не воспроизвестись в качестве реальной составляющей человеческого общежития (например, при совершении преступления, массовых беспорядках,

революции, гражданской войне и т.п.). Тем самым право как первично *дискретное* по своему характеру явление нуждается в механизме своего воспроизведения, который обеспечивает существование права и сам может быть отождествлен с ним. Примерами таких механизмов как раз и выступают правовая реальность в ее динамическом аспекте, правовая жизнь, правовая коммуникация, правовое происшествие, правовой диалог и т.д. *Следовательно, основным достижением представителей динамического правопонимания является конструирование принципиально новой онтологии права – динамической и преимущественно дискретной, а также экспликация конкретных механизмов воспроизводства права – правовой реальности, коммуникации, диалога и пр.*

Закключение. Таким образом, в настоящее время на постсоветском пространстве в рамках неклассической правовой мысли сложился новый тип правопонимания, который может быть назван динамическим. Его содержание составляют самостоятельные оригинальные концепции (правовой реальности, правовой коммуникации, правового диалога, темпоральной онтологии права, либертарно-институциональной теории права и др.). Перечисленные подходы в равной мере характеризует попытка мыслить право как динамичное, процессуальное явление, которое не существует абсолютно-континуально, но дискретно-вероятностно воспроизводится в ходе отношений между людьми. Это, в свою очередь, создает философско-методологические предпосылки для концептуально *новой – неклассической – теории права*, предметом которой, вероятно, станет пересмотр ряда фундаментальных категорий классической теории права – прежде всего, правовой нормы, субъекта права, прав человека, механизма правового регулирования, правоотношения и пр.¹ Можно предположить, что дальнейшая разработка этих идей является перспективной и приведет к формированию более реалистичной теории права, переместив ее из плоскости идеальных конструкторов в сферу социальной онтологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев Н.Н. 1999. Основы философии права. Санкт-Петербург : Лань. 256 с.

Гуссерль Г. 2010-2011. Повседневная жизнь и право // Проблемы философии права. № 8-9. С.82-91.

Кауфманн А. 2013. Предварительные замечания по поводу правовой логики и онтологии отношений // Правоведение. № 6. С. 210-226.

Кельзен Г. 2020. Наука и политика // Труды Института государства и права РАН. Т. 15, № 1. С. 183-209. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kelsen

Козлихин И.Ю. 2006. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. № 1 (264). С. 31-40.

Майхофер В. 2008. Право и бытие // Российский ежегодник теории права. № 1. С. 186-258.

¹ Более подробно данные положения раскрываются автором в иной работе (Стовба 2021).

Максимов С.И. 2002а. Правовая реальность как предмет философского осмысления : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Харьков. 406 с.

Максимов С.И. 2002б. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право. 328 с.

Мартышин О.В. 2016. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. № 6. С. 20-30.

Поляков А.В. 2008. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. № 1. С. 9-42.

Поляков А.В. 2011. Современная теория права. Ответ критикам // Правоведение. № 6. С. 6-39.

Рабинович П.М. 2014. Філософія права. Львів : Галицький друкар. 232 с.

Райнах А. 2001. Априорные основания гражданского права // А. Райнах. Собрание сочинений. Москва : Дом интеллектуал. книги. С. 153-327.

Стовба А.В. (ред.) 2013. Неклассическая философия права: вопросы и ответы : кол. моногр. / Максимов С.И., Пермяков Ю.Е., Поляков А.В., Стовба А.В., Честнов И.Л., Четвернин В.А. ; под ред. А.В. Стовбы. Харьков : Б-ка журн. «Проблемы философии права». 272 с.

Стовба А.В. 2006. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков : ДИСА+. 176 с.

Стовба А.В. 2017а. Об особенностях философско-правовой методологии // Правоведение. № 4. С. 88-101.

Стовба А.В. 2017б. Темпоральная онтология права. Санкт-Петербург : АЛЕФ-пресс. 355 с.

Стовба А.В. 2021. Классическая и неклассическая теория права // Вестник Томского государственного университета. № 463. С. 251-256.

Тимошина Е.В. 2015. Классическое и постклассическое правопонимание: обобщение основополагающих особенностей // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма / под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск : Академия МВД. С. 71-78.

Фехнер Э. 2011. Философия права // Российский ежегодник теории права. № 3. С. 539-611.

Хохлов Е.Б. 2004. Юридические химеры как проблема российской правовой науки // Правоведение. № 1. С. 4-14.

Черняков А.Г. 2001. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера. Санкт-Петербург : Высш. религиозно-филос. шк. 460 с.

Честнов И.Л. 2008. Диалогическая антропология права как постклассический тип правопонимания: к формированию концепции // Российский ежегодник теории права. № 1. С. 67-83.

Честнов И.Л. 2010. Постклассическое правопонимание. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России. 240 с.

Честнов И.Л. 2016. Научная новизна постклассической юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. № 2. С. 7-15.

Cohn G. 1967. Existentialism and Legal Science. New York : Oceana Publications inc. 148 p.

References

- Alekseev N.N. *The Foundations of legal philosophy*, St. Petersburg, Lan, 1999, 256 p. (in Russ.).
- Chernyakov A.G. *The ontology of time. Being and time in the philosophy of Aristotle, Husserl, Heidegger*, St. Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 2001, 460 p. (in Russ.).
- Chestnov I.L. Dialogical anthropology of law as post-classical type of understanding of law; to the formulation of the conception, *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2008, no. 1, pp. 67-83. (in Russ.).
- Chestnov I.L. *Postclassical understanding of law*, Krasnodar, Krasnodarskiy unstitut MVD Rossii, 2010, 240 p. (in Russ.).
- Chestnov I.L. The scientific innovation of the post-classical jurisprudence, *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*, 2016, no. 2, pp. 7-15. (in Russ.).
- Cohn G. *Existentialism and Legal Science*, New York, Oceana Publications inc., 1967, 148 p.
- Fechner E. Philosophy of law, *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2011, no. 3, pp. 539-611. (in Russ.).
- Husserl G. The Everyday life and the law, *Problemy filosofii prava*, 2010-2011, no. 8-9, pp. 82-91. (in Russ.).
- Kaufmann A. Preliminary remarks on a legal logic and ontology of relations, *Pravovedenie*, 2013, no. 6, pp. 210-226. (in Russ.).
- Kelsen H. Science and Politics, *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2020, no. 1 (15), pp. 183-209. (in Russ.). DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kelsen.
- Khokhlov E.B. Legal chimeras as a problem of contemporary russian legal science, *Pravovedenie*, 2004, no. 1 (252), pp. 4-14. (in Russ.).
- Kozlikhin I.Yu. On unconventional approaches to law about non-traditional approaches to law, *Pravovedenie*, 2006, no. 1 (264), pp. 31-40. (in Russ.).
- Maihofer W. Law and Being, *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2008, no. 1, pp. 186-258. (in Russ.).
- Maksimov S.I. *Legal reality as the subject of philosophical reasoning : dissertation*, Kharkov, 2002, 406 p. (in Russ.).
- Maksimov S.I. *Legal reality: the experience of philosophical reasoning*, Kharkov, Pravo, 2002, 328 p. (in Russ.).
- Maksimov S.I., Permyakov Yu.E., Polyakov A.V., Stovba A.V., Chestnov I.L., Chetvernin V.A. *Non-classical philosophy of law: questions and answers*, Kharkov, Biblioteka zhurnala «Problemy filosofii prava», 2013, 272 p. (in Russ.).
- Martyshin O.V. On the peculiarities of the philosophical and legal methodology, *State and Law*, 2016, no. 6, pp. 20-30. (in Russ.).
- Polyakov A.V. Contemporary theory of law. reply to the critics, *Pravovedenie*, 2011, no. 6 (299), pp. 6-39. (in Russ.).
- Polyakov A.V. Good-bye to classic or how the communicative theory of law is possible?, *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2008, no. 1, pp. 9-42. (in Russ.).
- Rabinovich P.M. *Philosophy of law*, Lviv, Galits'kiy drukar, 2014, 232 p. (in Ukrain.).
- Reinach A. Aprioristic foundations of the civil law, *A. Reinach, Works*, Moscow, Dom intellektualnoy knigi, 2001, pp. 153-327. (in Russ.).
- Stovba A.V. Classic and Non-classic Legal Theory, *Tomsk Stat University Journals*, 2021, no. 463, pp. 251-256. (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/463/31.
- Stovba A.V. *Law situation as origin of law reality*, Kharkov, Disa+, 2006, 176 p. (in Russ.).

Stovba A.V. On the peculiarities of the legal-philosophical methodology, *Pravovedenie*, 2017, no. 4 (333), pp. 88-101. (in Russ.).

Stovba A.V. *Temporal ontology of law*, St. Petersburg, Alef-press, 2017, 355 p. (in Russ.).

Timoshina E.V. Classical and non-classical understanding of law: generalization of the grounding specifics, V.I. Pavlov, A.L. Savenok (eds.) *Eticheskie i antropologicheskie kharakteristiki sovremennogo prava v situatsii metodologicheskogo plyuralizma*, Minsk, Akademiya MVD, 2015, pp. 71-78. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Вячеславович Стовба

доктор юридических наук, проректор по научно-методической работе Харьковского института кадров управления; г. Харьков, Украина;

ORCID: [http://orcid.org/0000-0002-8154-](http://orcid.org/0000-0002-8154-8929)

8929; ResearcherID: AAQ-9493-2021;

AuthorID (РИНЦ): 508680;

E-mail: stovba34@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Stovba

Doctor of philosophy, Professor of the Department of automated control systems, Kharkov Institute of Management Stuff, Kharkov, Ukraine;

ORCID: [http://orcid.org/0000-0002-8154-](http://orcid.org/0000-0002-8154-8929)

8929; ResearcherID: AAQ-9493-2021;

AuthorID (РИНЦ): 508680;

E-mail: stovba34@mail.ru